

ПУТЬ К СЕБЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Верес

часть 1

Лана Верес

Путь к себе. Часть 1

«Автор»

2026

Верес Л.

Путь к себе. Часть 1 / Л. Верес — «Автор», 2026

Юми всегда была уверена, что является дочерью успешного финансиста, владельца крупного конгломерата. Но она ошибалась... Её отец – глава «Фуджин», одного из самых могущественных кланов якудзы. Случайное событие - и Юми превращается из доброй доверчивой девочки в холодную и расчётливую хищницу. Теперь она играет только по своим правилам – мастерски манипулирует людьми и выстраивает многоуровневые интриги. Пока не встречается профессора Чонга. Чонг умён, проницателен и видит любую ложь. Но кто он на самом деле? И чем обернётся случайная встреча двух сильных аморальных личностей? Кто станет хищником, а кто – добычей? Роман о силе, лжи и неожиданной страсти в мире, где доверие – роскошь, а правда – оружие.

© Верес Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	10
3 Глава	13
4 Глава	16
5 Глава	20
6 Глава	25
7 Глава	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лана Верес

Путь к себе. Часть 1

1 Глава

Япония. Пригород Токио. 1 996 год.

Обычно в девять лет мир представляется огромной картой, испещрённой, вдоль и поперёк, маршрутами чудесных приключений. Но для Юми эта самая карта – была залита тёмными чернилами ужаса и запятнана кровью.

Тот день, когда всё изменилось, врезался в её память с беспощадной точностью...

А между тем, это был – обычный тёплый весенний день... Юми с матерью приехала на недельку-другую в семейную старинную загородную резиденцию, где их давно уже ожидал Дайго, её отец...

Как же она любила это место! И поэтому всегда хотела проводить здесь как можно больше времени! Но, увы, получалось – лишь несколько недель в году.

Ей всегда казалось, что их дом, точно могучее дерево, вырос из самой земли, пустив свои корни вглубь столетий.

По утрам, в пелене тумана, он напоминал старого мудреца, бережно хранящего тайны ушедших эпох. Этот дом в японском стиле был не просто жилищем, а живым свидетелем истории, памятником ускользающей красоте и единению с природой.

Оберегавшая от непогоды широкая крыша, точно расправленные крылья невиданной исполинской птицы, наделяла дом завораживающим величием, поражая и возбуждая воображение девочки.

Так Юми всегда казалось, что стены дома из темного, промороженного временем дерева, живые и даже дышат – особенно, когда на их гладкой отшлифованной временем поверхности, играли тени громадных сосен и бамбука, окружавших дом со всех сторон.

Чайная комната... Входя в неё, Юми постоянно чувствовала, как циновки татами приятно пружинят под её ногами, а воздух, напоенный ароматом дерева и трав, умиротворяет и пьянит.

А между тем, в её интерьере отсутствовало что-либо особенное – простота и минимализм были здесь возведены в культ. Ничего лишнего... И потому гармония... гармония линий и форм...

Большие раздвижные двери сёдзи* пропускали мягкий, рассеянный свет. Но за ними открывался внутренний сад – совершенство в миниатюре. Камни, поросшие мягким мхом, карликовые деревья и тихо журчащий водопад, струящийся в пруд, где лоснящиеся спины карпов кои отражали солнечные блики... Воистину этот сад был отдушиной, лекарством для любой уставшей души. Наверное, поэтому именно здесь, среди этого рукотворного рая, мать Юми, Анастасия, любила уединиться с книгой, погружаясь в мир волшебных слов и образов.

Но сердцем дома была токонома* – ниша, где бережно хранился свиток с каллиграфией, передававшийся из поколения в поколение старшим в роду Тагутия:

«То, что слышат уши – лишь тень того, что познаёт сердце».

Свиток в токонома был особенно дорог Дайго, и он уединялся с ним в редкие свободные вечера, согреваясь саке из хрупкой очохи*. Казалось, отец просто подпитывался от этих, так искусно выведенных, иероглифов древнего свитка.

Да, её семья была истинным хранителем памяти...

Ведь саму Юми постоянно манила скрытая от любопытных глаз потайная комната, где бережно хранился антиквариат – реликвии ушедших эпох. Всегда ведомая сладким предвкушением, от которого замирало в груди, Юми тайком пробралась в эту сокровищницу. Нужно было успеть дать волю фантазии и – насладиться древностями, пока родители не хватились её.

В этот раз в комнате было темно. Щелчок выключателя едва нарушил торжественную тишину, и – Юми робко, боясь разбудить воображаемых спящих духов этого места, стала осторожно ступать по скрипучему деревянному полу.

Как же она обожала эту комнату – личный портал в другой мир, полный загадок и тайн. Древние манускрипты шептали удивительные истории, висящее на стенах оружие и доспехи самураев таинственным мерцанием в полумраке вводили в транс, а изящные фарфоровые куклы – в своих неподвижных глазах таили удивительные секреты.

Сердце забилося чаще, когда Юми подошла к большому, окованному железом сундуку. Затаив дыхание, приподняла тяжёлую крышку и – увидела внутри аккуратно сложенные коробки, каждая – с кимоно её прабабушек. Тут же её мягко окутал лёгкий аромат камфоры и состарившегося шелка. Она ещё раз с удовольствием вдохнула этот завораживающий запах. Запах времени...

Бережно достав одну из коробок, Юми открыла её – там лежала татоши*. Юми робко коснулась её. А затем открыла. Шелест бумаги... он пробежался приятной волной в воздухе... Развернув бумагу, Юми достала старинное, расшитое золотыми нитями и украшенное парящими журавлями кимоно. Ткань казалась невесомой, почти неосязаемой. В воображении тут же возникла прабабушка, юная и прекрасная, блистающая на каком-нибудь празднике в этом кимоно.

Вдруг эти сладкие грёзы прервал шум снаружи. Юми насторожилась и отложила коробку с кимоно.

- Оябун*, прошу! - Чей-то голос настойчиво прорывался через дверь.

- Заткнись, ублюдок! – Следом послышался ещё один незнакомый голос.

Разговор становился всё громче и громче. Судя по тону, назревала большая ссора.

- Какой позор!

Юми побледнела – она узнала голос отца. Следом снова послышались жалобные причитания мужчины, он тихо продолжал просить о пощаде.

Она ничего толком не поняла, но почему-то почувствовала – явно что-то не так.

Что происходит? – мелькнуло в её голове, а тело тут же покрылось «гусиной кожей»... мурашками страха.

Охваченная недобрым предчувствием, Юми подкралась к стене, в которой были искусно выбиты небольшие, невидимые глазу, отверстия – не посвящённый человек, ни за что бы не догадался об их существовании. Эти выбоины, ровесники дома, служили когда-то для тайного наблюдения за «дорогими» гостями, которых принимали в чайной комнате, примыкающей к тайному хранилищу.

Но теперь же Юми подслушивала и подсматривала за собственным отцом. Совесть протестовала, вызывая у неё чувство стыда... её била дрожь, горели щеки, плохо слушалось тело... но – любопытство было куда сильнее...

Осторожно отодвинув картину, а затем небольшую задвижку, скрывавшуюся за ней, Юми затаив дыхание и наострив уши, внимательно слушала.

– Я отдам... Я всё отдам! Клянусь! – взмолился незнакомец к Дайго. – Только пощадите! Прощу!

– Конечно, отдашь, ну а при жизни не успеешь – всё равно получим, после твоей смерти... – холодно отчеканил отец и резко добавил: – Ты предал нашу семью! Ты воровал у клана Фуджин!

Ещё толком не понимая почему, но Юми замерла – у неё перехватило дыхание, а затем Юми почувствовала, как её руки похолодели.

О чём они говорят? Что за клан Фуджин?

Она всегда считала, что её семья – обычные бизнесмены... Но то, что она слышала сейчас...

– Умоляю, оябун, – продолжал молить незнакомец. – Дайте мне шанс искупить свою вину!

Оябун?! – словно удар колокола прозвенело в голове Юми, оглушая её.

Она подумала, что ослышалась, но когда незнакомец снова обратился к отцу:

- Оябун! – её ноги подкосились.

Мой отец – глава клана!

– Давай, – произнёс Дайго, явно обращаясь к кому-то третьему.

Если бы Юми знала, что сейчас станет свидетельницей события, которое навсегда изменит её жизнь... если бы она только могла представить, что в этот день увидит истинное лицо своего отца... и, наконец, если бы она только знала, что этот день станет началом её долгого тернистого пути в пустоту, в никуда, то никогда бы не приблизилась не то что к этой потайной комнате, но и к этому, такому любимому и родному дому...

Внезапно рядом с Дайго появились две фигуры в чёрных костюмах. Они грубо схватили незнакомца и поставили его на колени перед невысоким столиком, на котором лежали разделочная доска и нож.

Юми не могла поверить своим глазам. Отец не спеша приблизился к поверженному мужчине, схватил его за руку и прижал ладонь неизвестного к разделочной доске:

– Палец или кисть? – спросил Дайго, нависая над мужчиной.

Даже из своего укрытия Юми видела, как мужчина дрожит всем телом, а его лицо блестит от холодного пота.

– П-п-палец, – заикаясь произнёс мужчина и схватил лежащий рядом нож.

Дайго отпустил его руку, выпрямился и, достав из кармана пачку сигарет, закурил, смотря на несчастного сквозь дымку.

Мужчина смотрел на свою кисть на разделочной доске, сжимая в другой руке рукоятку ножа. Юми слышала его тяжёлое, прерывистое дыхание. Она знала, что должно произойти дальше, но всё равно не могла отвести глаз.

В следующее мгновение мужчина, поджав четыре пальца и оставив вытянутым только мизинец, занёс над ним лезвие... долго мучился, всё никак не решаясь это сделать... И вдруг – выронил нож. Его лезвие, сверкнув, упало на пол, рядом с несчастным.

– Я не могу, простите я не могу... - Сквозь всхлипы запричитал мужчина, опустив голову. – Простите меня... простите...

Дайго разочарованно вздохнул, затем, посмотрел на свою тлеющую сигарету, сделал затяжку и протянул бычок одному из парней в черном костюме. Тот, поспешно забрав бычок, тут же затушил его кончиками пальцев, а потом спрятал в карман брюк.

Дайго между тем развернулся и кажется уже собирался уйти, но вдруг остановился, неспешно достал свои любимые чётки из слоновой кости и стал перебирать бусины.

Щелчки от бусин были равномерные, успокаивающие. Юми нервно выдохнула – Дайго в один прыжок оказался рядом с несчастным! В следующее мгновение в его руке оказался нож – и...

Вскрик, фонтан крови из рваной раны на шее... А потом глухой удар тела о пол... И – мёртвая тишина...

– Тц, – недовольно цокнул Дайго и медленно повернул голову в сторону стены, за которой тряслась Юми. Их глаза встретились. Она могла поклясться, что отец смотрел *прямо* на неё и что он *знал*, что она *наблюдала*.

– Приберитесь, – произнёс он будничным тоном, словно речь шла о пролитом чае, и, достав шёлковый платок, протёр им окровавленное лезвие ножа и бросил его на грудь несчастного, издававшего последние предсмертные хрипы.

Юми отпрянула от стены. Лицо горело, руки и ноги сковывал холод, а сердце, казалось, билось через раз...

Дрожащими руками Юми отодвинула дверь потайной комнаты и выскользнула в коридор, где, не видя ничего перед собой, врезалась прямо в грудь отца.

– П-п-папа, – прошептала она, пятась назад.

– Стоять! – приказал он, и Юми замерла.

Отец подошёл к ней. Одной рукой грубо схватил её за подбородок (от него исходит резкий запах свежей крови), а второй, казалось бы, нежно провёл по щеке, размазывая влажные дорожки слёз.

– П-п-папа, – с трудом выговорила Юми, задыхаясь от подступившего к горлу кома.

Дайго смотрел на неё, и в его глазах не было и намёка на сожаление или жалость – лишь разочарование.

– Тц, – громко и раздражённо цокнул он и, не отпуская её подбородок, сказал: – Мама тебя очень плохо воспитала, если ты подглядываешь за взрослыми. До возвращения в город не выходить из своей комнаты! Поняла?

Юми с трудом кивнула, насколько позволяла хватка его руки, крепко сжимавшая её подбородок.

– Маме ни слова. Нельзя её расстраивать...

– М-ма-ма не знает? – шёпотом спросила она.

– Чем занимается твой отец? – уточнил он, наконец отпуская её подбородок.

– ...

– Конечно, знает, – его безжалостный ответ похоронил её наивность и развеял последние иллюзии. – Но она не должна узнать, к чему привело её дочь глупое любопытство. Это останется нашим с тобой секретом, Юми, – продолжил отец ледяным тоном. – Никогда и никому не рассказывай об этом. Иначе...

– Убьёшь меня? – в ужасе спросила Юми.

Отец усмехнулся и снова с нежностью коснулся её щеки.

– Разве я могу убить собственного ребёнка?

На её языке крутилось отчаянное «Да!», но – так и не сорвалось с её губ.

– Пострадает, тот, кому ты проболтаешься, – спокойно продолжил отец. – Ты должна понимать это... – и добавил: – Поэтому избегай невинных жертв.

Так безжалостно и беспощадно в тот день мир Юми обратился в руины, и она больше уже никогда не смотрела на отца, как прежде.

С тех пор Юми начала жить в постоянном страхе. Она боялась своего отца, особенно – тёмной стороны его жизни, которая так тщательно скрывалась, боялась ужасных последствий, если кто-нибудь узнает о том, что она видела. Именно тогда Юми пообещала себе, что когда-нибудь сбежит из этой семьи, из их проклятого мира насилия и крови. Она обязательно вырвется и не станет нести на себе бремя – принцессы якудза и сможет построить новую жизнь, где не будет места этой грязи. Но воспоминание о том страшном дне навсегда осталось с ней, преследуя в кошмарах, словно напоминая о чудовищной цене, которую приходится платить за принадлежность к мафии.

Сёдзи (яп. ## сё:дзи) — элемент традиционной японской архитектуры, который может выступать в качестве **двери, окна или перегородки**, разделяющей внутреннее пространство жилища.

Токонома (яп. ###) — **ниша в стене традиционного японского жилища**. Это одна из четырёх основных составляющих элементов главного помещения японского аристократического дома.

Очохи - **маленькие фарфоровые или керамические чашки**, которые используют для подачи сакэ (японского рисового вина).

Татоши - это **бумажная папка, в которой хранят кимоно**.

Оябум (яп. ##) - обращение членов клана к своему господину (главе клана).

2 Глава

Прошло чуть больше месяца с того ужасного дня, который разделил жизнь Юми на пресловутые «до» и «после». Месяц – страха, тяжелого секрета и изматывающего притворства. Сложнее всего было с матерью. Любящее материнское сердце, не могло не заметить потухший взгляд, внезапно появившаяся зажатость, неуверенность и то, как Юми, словно загнанный зверёк, отгородилась от мира, оттолкнув даже самых близких друзей. Анастасию терзали подозрения, но она не могла добиться от дочери ни слова правды, а Дайго лишь пожимал плечами, списывая всё на обычный переходный возраст.

– Может, у нее первая неразделенная любовь? – предположил он, на что Анастасия фыркнула и сказала: – Нет, не похоже... Да и ей же – всего девять!

– Сейчас дети взрослеют гораздо быстрее! К тому же ей скоро уже почти десять, – парировал Дайго, пытаясь развеять нарастающие подозрения Анастасии.

Но, она чувствовала, что внезапные перемены в дочери никак не связаны с обычными подростковыми метаниями, она чувствовало – девочка переживает реквием по своей жизни.

– Дорогой, а Юми случайно не узнала... – Анастасия, собрав всю свою решимость, озвучила вслух терзавшие ее подозрения. – Ну, что-то о твоих делах?

Бегающие по строчкам свежей газеты зрачки Дайго мгновенно замерли, а на его скулах предательски заходили желваки, что не ускользнуло от острого взгляда Анастасии.

В сущности, Дайго мог уже ничего не отвечать – она и так все поняла... Худшие опасения Анастасии подтвердились.

– С чего ты... – Дайго не успел закончить фразу, как Анастасия в ярости подлетела к нему, вырвала у него газету и швырнула ее на пол.

– Как?! – воскликнула она, прожигая мужа испепеляющим взглядом. – Когда?!

На мгновение его лицо стало суровым, точно высеченным из камня, жесткий колючий взгляд впился в лицо жены, но – лишь на мгновение. Дайго тут же смягчился, поспешно отвёл глаза, опомнившись... Ведь перед ним стояла его любимая женщина... Ей прощалось всё, ну, или – почти всё...

– Это произошло случайно, – ответил он и тут же получил хлёсткую пощечину, от которой на его щеке вспыхнул яркий след её изящной ладони. – Женщина! – рявкнул он, собираясь подняться с кресла.

– Когда?! – крикнула Анастасия, толкая его в грудь, не дав Дайго подняться и буквально нависая над ним, так что ему пришлось вжаться в высокую спинку кресла.

– В родовом поместье... – сказал он и тут же получил еще одну звонкую пощечину, на этот раз по другой щеке, а затем последовал удар по уху такой силы, что в его голове зазвенело, и на мгновение перед его глазами всё поплыло.

– Ты же обещал мне, не решать свои, грязные дела дома! Ты же обещал! – кричала Анастасия, совершенно потеряв над собой контроль.

Такой злой она была впервые и не замечала, что буквально ходит по тонкому льду – ещё одно необдуманное действие и... Но тут раздался испуганный голосок, прозвучавший из приоткрывшейся двери в кабинет, где и разворачивалась эта ужасная сцена:

– Мама, что случилось?

Это спасло Анастасию и Дайго от фатального шага. Бледное лицо и тревожный взгляд их ребёнка, привёл их обоих в чувства.

– Нет, нет, все в порядке, милая, – поспешила успокоить Юми Анастасия, яростно сдувая упавшую на лицо прядь огненного цвета. Натянув неестественную улыбку, она приблизилась

к дочери. – Солнышко, пойдем попьем чай. Ма-тян сегодня испекла восхитительный бисквит, от которого ты будешь в восторге.

Спустя какое-то время Анастасия нежно прижимала к себе рыдающую взхлеб Юми. Ее хрупкое тельце содрогалось в объятиях матери, а Анастасия лишь тихо повторяла, пытаясь ее успокоить:

– Тшш, тшш, тшш... Моя девочка... Все будет хорошо...

– Мама, ты знала, чем занимается отец? – Юми задала, немного успокоившись, вопрос, мучавший ее весь этот месяц.

И она до смерти боялась услышать ответ матери. Ведь если мама такая же, как отец, последний оплот рухнет... и тогда Юми окажется на самом дне пропасти, из которой уже не выбраться.

– Конечно... – с грустью ответила Анастасия. – Но когда он добивался меня, я даже не подозревала. – Ей тяжело давалось это признание, но она хотела быть предельно честной с дочерью, чувствуя, что это единственная возможность не потерять ту невидимую связь, ту всепоглощающую любовь, которая объединяла ее с Юми. – Я узнала правду, когда была беременна тобой, практически на последнем сроке... Меня попытались похитить.

– О Боже! – воскликнула Юми, прижав дрожащие руки ко рту.

Анастасия ласково погладила ее по голове и продолжила:

– Я была глупой, молодой гайдзинкой*, чтобы понять очевидные вещи... Прости меня за наивность, – сквозь слёзы произнесла Анастасия и ещё крепче прижала к себе дочь. – Когда я узнала, уже было слишком поздно что-либо изменить.

– А развод? Мама, ведь можно просто уйти от него! – в отчаянии воскликнула Юми, бегая заплаканными глазами по её лицу.

– Это не выход, моя дорогая. Он никогда не отпустит меня, да и ты, как его плоть и кровь, навсегда будешь принадлежать этому клану, где бы ты ни жила и чем бы ни занималась... – она тяжело вздохнула и смахнула слезу, застывшую на ресницах. – И... как бы это странно не прозвучало... Я люблю твоего отца... и люблю нашу семью.

– И что мне теперь делать?! Как жить? – в отчаянии, с нотками истерики в голосе, спросила Юми. – Какой с меня толк? Я ведь всего лишь девочка...

Анастасия не стала вдаваться в пугающие подробности того, что, несмотря на ее принадлежность к "слабому полу", из-за чего она никогда не сможет стать главой и продолжить дело отца, ее вполне могут выдать замуж за приемника, который возьмет на себя функции Оябума, когда придет время...

Но, а пока, её главная цель – вырвать Юми из вязкого болота якудзы, хотя бы на время и показать ей совершенно иной мир, полный возможностей и надежд.

Поэтому, решив, что пока Дайго хоть немного испытывал чувство вины, она потребует, чтобы Юми немедленно уехала учиться за границу, подальше от всего этого кошмара.

Анастасия очень тщательно подготовилась к разговору с Дайго и даже заготовила пару ультиматумов, но:

– Хорошо, поступай как считаешь нужным, – сказал он, не отрываясь от документов.

Анастасия опешила. Она была готова ко всему, но не к тому, что он так легко согласится.

Слишком просто... – подумала Анастасия, но решила не развивать эту мысль дальше и тем более не искать истинных причин покладистости мужа.

А они были серьёзными. Дайго и сам подумывал на какое-то время отправить дочь с женой за границу...

Надвигались большие перемены, и могло быть небезопасно. Полиция всерьёз взялась за все кланы и поставила цель искоренить, даже само понятие «якудза».

Из двадцати четырёх кланов в Токио семь уже удалось развалить и пересажать всю их верхушку. Остальные кланы, в том числе и клан Фуджин, ждала такая же участь, поэтому

Дайго решил поменять правила игры и создать трансатлантическую компанию, с помощью которой он мог бы полностью легализоваться, а главное – запустить щупальца во все финансовые потоки страны и по возможности – управлять ими.

Словом, планы были грандиозными, но и риски, пока он не добьется поставленной цели, – повышались в разы.

– Я могу с ней поехать? – вдруг спросила Анастасия, уже на пороге его домашнего кабинета.

Дайго на секунду оторвался от документов, смерил жену внимательным взглядом и сказал:

– Нет.

– Но... – попыталась возразить Анастасия.

– Подыщи хорошую школу с проживанием. Ты останешься со мной, – сказал Дайго и, снова уткнувшись в документы, дал понять, что разговор окончен и его решение обсуждению не подлежит.

Ему и так пришлось наступить себе на горло, ведь Дайго был ярким приверженцем традиций, и поэтому Юми должна была вырасти в строгих рамках национальных традиций Японии, чтобы затем, со временем превратиться в покорную и никогда не перечашую окусаму*. Но из-за сложившейся ситуации Дайго пришлось согласиться выпустить дочь на свободу из-под своего всевидящего отеческого ока. Но вот свою Анастасию он уже отпустить никак не мог...

Так, в возрасте десяти лет Юми оказалась в английской школе-пансионе, своего рода клона известной швейцарской – "Institut le Rosey". Расположенная в живописной местности за пределами Лондона, школа предлагала ту же уникальную программу "учись и путешествуй", что и швейцарский оригинал, предоставляя ученикам возможность знакомиться с богатой культурой разных стран. Здесь, как и в Швейцарии, обучались дети из самых влиятельных и состоятельных семей мира.

Юми, крепко сжимая в руке ручку чемодан, в сопровождении охраны, застыла перед массивными коваными воротами школы.

Переборов волнение, Юми нажала кнопку звонка – ворота медленно отворились, и перед ней предстала женщина в строгом деловом костюме.

– Добро пожаловать в "Institut le Rosey", мисс Юми, – произнесла она сдержанно, но с безупречной вежливостью. – Я – Эмили Дюпон, директор школы. Прошу вас, следуйте за мной.

Попрощавшись с охраной отца, Юми, последовала за мадам Дюпон по длинной аллее, ведущей к главному зданию школы, напоминающей старинный замок, утопающий в зелени ухоженных лужаек, пестрых цветочных клумб и окруженный высокими деревьями.

Мадам Дюпон провела для Юми подробную экскурсию по школе – показала ее уютную комнату, просторную столовую, современные учебные классы и внушительную библиотеку. Юми старалась внимательно слушать и запоминать все, что ей говорили, но ее мысли витали далеко за пределами этих стен. Она думала о своей любимой матери, оставшейся в далекой Японии, и... о своем отце, о котором ей совсем не хотелось думать или вспоминать.

Вечером, оставшись в полном одиночестве в своей комнате, Юми почувствовала себя невероятно потерянной и незащищенной. Она была уверена, что ее ждет нелегкая жизнь в этой новой школе.

*Окусаму** (##) – супруга.

*Гайдзин** (##) –чужак, иностранец.

3 Глава

Юми отчаянно пыталась прижиться в новом мире, где каждый день приносил что-то неизведанное и захватывающее – настоящая мечта для подростка. Но вместо восторга девочка чувствовала лишь гнетущую тяжесть. Как будто её настроение стало таким же мрачным и сумрачным, как туманный Альбион. Особенно угнетало, что она была единственной азиаткой в школе, и это сделало её идеальной мишенью для избалованных сверстников-европейцев. Надежды на обретение друзей быстро сменились разочарованием: из-за постоянной травли она превратилась в изгоя. Никто не хотел вступаться за какую-то странную японку.

Вот и тот день, когда солнце едва пробивалось сквозь плотные облака, знакомая стайка школьных задир снова окружила её. Шесть пацанов и вертлявая девчонка – мерзкое зрелище.

Ничтожные засранцы, – так подумала о них Юми, когда они окружили скамейку, на которой она сидела.

– Эй, ты! – выкрикнул один из них, но Юми даже не подняла головы, продолжая читать книгу.

– Эй! – подхватила девчонка и выхватила книгу из её рук. – К кому обращаемся, а?

Юми медленно подняла глаза на угловатую пигалицу. Та, встретившись с её взглядом, отшатнулась и закрыла свой рот.

– Жить надоело? – встрял мальчишка, очень похожий на птенца трёхлетней цапли. Насколько он выглядел смешным, настолько же и жалким. Юми презрительно скривилась.

– Что с рожей?! – взбеленился тот, заметив её гримасу.

– Да она вообще оборзела! – поддержала его девчонка, швырнув книгу к ногам Юми.

Стиснув кулаки и сцепив зубы, Юми начала отсчет до тридцати. Почему именно до этого числа? Она давно подметила, что к тому времени пыл у этих балбесов обычно угасал, и они переключались на новые развлечения.

Кому интересно травить того, кто не проронит ни слезинки?

И вот, когда она уже почти досчитала до двадцати пяти, привычный ход событий нарушило появление незнакомого мальчика с чёрными волосами и зелёными глазами.

– Эй, вы чего привязались? – рявкнул он, оттолкнув одного из задир плечом. – Оставьте её в покое! – Юми, подняла голову, и их глаза встретились.

Он не первый раз наблюдал за тем как они достают Юми. Ему всегда было интересно, почему она молча терпит, вместо того чтобы пожаловаться учителям. И в какой-то момент, а именно в этот день, его терпение лопнуло. Он решил восстановить справедливость и, если надо, был готов сцепиться с этой шайкой. Да, мальчик был не из робкого десятка.

– Эй, русский! – крикнул «птенец цапли». – А тебе какое дело?

– У меня есть имя, Арон! – сказал он, сплюнув и, сделал шаг вперёд.

Хулиганы попятились. Они явно не ожидали такого вмешательства. Этот молчаливый, загадочный русский стал для них полной неожиданностью.

– Заткнитесь и проваливайтесь! – прорычал Арон, надвигаясь на них.

На лицах хулиганов отразилось явное замешательство. Такого отпора они точно не ожидали. Всегда молчаливый и отстраненный русский вдруг проявил инициативу, решив защитить эту незаметную "япошку".

Самый наглый и здоровый из шайки хмыкнул и свысока:

– Что, втюрился?

– Вам повторить, что я сказал? – процедил Арон сквозь зубы, и зеленые искры гнева вспыхнули в его глазах.

Все затихли. Задиры переглядывались между собой, не зная, как реагировать. Никто из них не хотел связываться с Ароном – ходили слухи о его вспыльчивом характере и непредсказуемости.

И тут, пигалица крикнула:

– Да пошел ты! – и, подскочив к Арону, попыталась его толкнуть, но тот легко увернулся. Не удержав равновесия, девчонка рухнула прямо на землю.

Мгновенно поднялся шум и гам. Хулиганы обступили Арона плотным кольцом, готовые к драке. Юми же, продолжала неподвижно наблюдать за происходящим.

– Да ладно, чего вы, – неожиданно проговорил представитель пернатых, поднимая руку, – она не стоит того.

Юми отчётливо услышала вздох облегчения у одного из задиры, от чего невольно улыбнулась. Одно дело – издеваться над беззащитной девочкой, и совсем другое – ввязываться в настоящую драку со всеми вытекающими: синяки, вызов к директору, гневные речи родителей и возможное исключение из школы...

Бормоча что-то невнятное себе под нос, хулиганы неохотно начали расходиться. Пигалица, поднявшись на ноги, бросила злобный взгляд в сторону Юми и поплелась следом за остальными.

Когда последний из них скрылся из виду, Арон повернулся к Юми.

– С тобой все в порядке? – спросил он, направляясь к ней. Юми поднялась со скамейки, взяла книгу, все еще лежавшую на земле и, встав прямо перед своим спасителем, окинула его холодным, оценивающим взглядом.

Арон ожидал благодарности, смущенной улыбки, чего угодно, но никак не мощного удара кулаком в переносицу.

– Ты что, совсем сдурела?! – взревел он, отшатнувшись. Кровь хлынула из носа, мгновенно окрашивая его форму и белую рубашку.

Юми что-то злобно прошипела на непонятном ему японском.

– Да пошла ты! Узкоглазая зараза! – выплюнул он на русском, добавив еще пару отборных ругательств, чтобы закрепить "приятное" знакомство. Он уже развернулся и сделал несколько шагов, когда Юми внезапно набросилась на него со спины, вцепившись мертвой хваткой в волосы и засыпав проклятиями на чистейшем русском матерном. Арон замер в полном шоке.

– "Зараза"? "Узкоглазая"? Да я тебя сейчас в асфальт закатаю, герой хренов! – шипела она ему прямо в ухо. – Защитник выискался! Я тебя просила лезть?

Арон опешил.

Русский язык?! Откуда она так хорошо знает его?

Его собственный словарный запас по сравнению с её казался просто блеклым! Да и то, с какой ловкостью она выдирает ему волосы, говорило о том, что силы и отваги ей тоже не занимать.

– Отцепись, психопатка! – вопил Арон, безуспешно пытаясь сбросить с себя эту разъяренную фурию. – Сумасшедшая!

– Кто тебя просил?! – парировала Юми, еще крепче вцепляясь в его шевелюру.

Арон, чертыхаясь на все лады, яростно пытался вывернуться, но Юми вцепилась как клещ.

– Да отпусти меня, пока прошу по-хорошему! – заорал он, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

Юми, продолжая бурчать что-то злобное себе под нос, наконец ослабила хватку и спрыгнула с его спины. Она стояла перед ним, тяжело дыша, с глазами, пылающими от ярости.

– Я тебя не просила! Ясно?! Не нужна мне никакая помощь! Я сама могу за себя постоять!

– Дура! – выкрикнул он в ответ, с трудом сдерживая ярость.

Арон, приходя в себя, смотрел на Юми с полным недоумением. Кто бы мог подумать, что эта тихая, неприметная девочка окажется такой фурией?

– Я хотел тебе помочь! – возмутился он, вытирая кровь с лица.

– Еще немного, и я бы им наскучила! А ты своим геройством только привлек ко мне еще больше внимания! Чёрт! Идиот! Придурок!

Вот же неблагодарная! Рисковал собой ради нее, а она еще и обзывается. Чтоб я еще раз за кого-то впрягся!

– Ладно, – сказал Арон, стараясь взять себя в руки. – Как знаешь. В следующий раз пройду мимо, даже не оглянусь. – Сказал он, прежде чем уйти.

Юми молча смотрела ему вслед. Затем подняла с земли свою книгу, отряхнула её от пыли и вернулась к скамейке. Открыв на той же странице, она попыталась продолжить чтение, но слова упорно отказывались складываться в осмысленные предложения.

Раздраженно захлопнув книгу, Юми с недовольным видом направилась в сторону школы следом за Ароном.

В тот момент ни один из них не подозревал, что эта нелепая, грубая стычка и станет началом их необычной дружбы...

4 Глава

Арон, с его вечно сдвинутыми бровями и не по-детски серьезным лицом, казался и выглядел старше своих сверстников. Правду говоря, ему было попросту с ними скучно. Поэтому, когда Юми на чистом русском с такой яростью обругала да ещё и без страха набросилась на него, в Ароне вдруг проснулся искренний интерес. Юми стала для него этакой диковинной зверушкой, которую непременно хотелось изучить поближе.

Их дружба завязалась не сразу. Юми не спешила раскрываться и впускать его в свою жизнь. Но теперь Арон не упускал её из виду, с любопытством наблюдая за каждым её шагом. Это, конечно, не могло не раздражать Юми.

Вот же липучка! – с досадой думала Юми, каждый раз, когда чувствовала на себе его пристальный взгляд. С одной стороны, она понимала, что обязана ему – ведь после того случая все обидчики обходили ее стороной. Но с другой, Юми невыносимо злило, что он принял ее за беспомощную и слабую. И его вмешательство, могло поставить под угрозу её обучение вдали от дома. Пусть здесь ей и приходилось нелегко, дома было бы в разы хуже – Юми ни за что не хотела давать отцу даже малейшего повода вернуть ее обратно.

И, возможно, их отношения так и остались бы на уровне натянутой вежливости, если бы не один случай...

Во время летних каникул "Institut le Rosey", как всегда, предложил своим ученикам нечто захватывающее – сплав на байдарках по бурным водам знаменитой китайской реки Ли, своего рода "Мекке" любителей экстремального туризма.

Накануне прилетев в Китай, группа школьников, проснувшись на рассвете, отправилась к реке, где в сопровождении инструкторов стартовала с набережной Янгди, под восторженные возгласы местных лодочников, готовивших к отплытию свои бамбуковые плоты.

Арон потирал руки в предвкушении адреналинового приключения. Если бы им разрешили сплавляться самостоятельно, его счастью не было бы предела. А так – пришлось довольствоваться двухместным каяком и назойливым личным инструктором в придачу.

Раздражает! – подумал Арон, усаживаясь позади инструктора.

Юми же, напротив, была очень рада присутствию инструктора. Правда, еще больше она бы обрадовалась моторной лодке, ну или, на худой конец, бамбуковому плоту, но обязательно с мотором. В общем, перспектива размахивать веслом и бояться перевернуться на каждом пороге её совсем не прельщала.

Первым стартовал каяк Арона, следом – Юми, а за ней уже вереницей потянулись и остальные одноклассники. Подхваченные течением, каяки со школьниками стремительно понеслись вперед. Арон только и успевал смотреть по сторонам, радостно присвистывая от впечатляющих видов, а Юми, крепко вцепившись в весло, старалась не отставать и время от времени тихонько вздрагивала от каждого крутого виража.

Арон, наслаждаясь скоростью и азартом, без усталости греб, не забывая при этом оглядываться назад и дразнить отставших одноклассников. Внезапно течение резко изменилось, и его каяк понесло прямо на торчащий из реки огромный валун. Арон вместе со своим инструктором попытался сманеврировать, но было слишком поздно. Каяк перевернулся, и они оказались в ледяной воде.

Инструктор быстро вынырнул на поверхность и попытался помочь Арону, но не успел. Течение, оказавшись слишком сильным и бурным, с легкостью сорвав шлем с головы Арона, подхватило его и быстро понесло прямо на острые скалы.

Юми, видя, как Арон с огромной скоростью летит на камни, в ужасе закричала. Ещё – секунда – и Арон с силой ударился головой о выступ скалы.

Он не почувствовал боли, просто яркая вспышка – и сознание покинуло Арона.

Холодная и безжалостная вода горной реки неслась дальше, закручивая безвольное, точно тряпичная кукла, тело Арона, словно завлекая его в свой безумный хоровод.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, бросали на воду дрожащие блики, которые танцевали на его закрытых веках, будто пытаясь разбудить. Но он не реагировал. Река несла его вниз по течению с такой скоростью, что ни один каяк не смог бы его обогнать...

Но тут, видимо, все-таки вмешались высшие силы.

Ремешок от спасательного жилета Арона случайно запутался между двумя огромными, поросшими мхом валунами, зажав его в ледяном плену.

Вода безжалостно хлестала Арона по лицу, забивалась в рот и нос, лишая его последних остатков воздуха. Его чёрные, как смоль, волосы растрепались и прилипли ко лбу, а руки безвольно болтались в воде.

Остальные каяки пронеслись, подгоняемые разъярённой стихией, мимо безжизненного Арона.

А река всё редела, заглушая все остальные звуки – и в этом хаосе, в этой ледяной бездне – буквально на волоске, зажатая между камнями, по какому-то неведомому капризу судьбы, висела жизнь Арона.

Но тут Юми пришла в себя – парализующий страх сменился решимостью. Схватив весло, она что-то прокричала своему инструктору на английском, и они вдвоём стали грести против течения.

Река сопротивлялась изо всех сил, будто не подпуская их к бездыханному телу Арона, своей законной добыче... Но Юми гребла, как обезумевшая, с отчаянной силой, черпая её из неведомых даже ей самой глубин своего существа.

Ледяная вода обжигала кожу, а стремительное течение норовило разорвать их каяк на части. Но она лишь видела – беспомощно болтающееся на воде, то и дело скрывающееся под холодными волнами, тело Арона.

С каждым гребком она ощущала, как слабеют ее руки. Но вид неподвижного, безжизненного Арона подстегивал ее, заставляя бороться, давая новые силы. Она и инструктор сражались, не чувствуя ни боли, ни усталости, ни страха.

Наконец, они добрались до него – буквально из последних сил. Стремительно перекинули поперек каяка животом вниз его тело. Инструктор стал грести к берегу, а Юми, одной рукой удерживая голову Арона за волосы, другой что есть силы била его кулаком между лопаток. Когда они вытащили его на берег, Арон уже начал откашливаться водой.

Арон лежал на берегу, несмотря на палящее солнце, без остановки дрожа от холода. Юми, промокшая до нитки и тоже окованная, склонилась над ним с явной тревогой в глазах.

– Ты как? – спросила она его по-русски дрожащим от холода и пережитого напряжения голосом.

– Жив, – прохрипел Арон, – спасибо... тебе.

– Теперь ты у меня в долгу, ясно? – сурово произнесла Юми, подкладывая ему под голову свой спасательный жилет.

– Угу, – пробормотал Арон, и, поморщившись от боли, добавил. – Считаю, поклялся кровью.

Два года в лондонской школе пролетели для Юми и Арона, словно – мимолётное сновидение. Время как будто ускорило свой бег, порой просто стирая границы между днями и ночами, наполненными усердной учебой и такими редкими моментами беззаботной свободы. Но, несмотря на такую быстротечность, эти два года оставили неизгладимый след в их сердцах. Дружба между ними была весьма странной, иногда грубой, но всегда – искренней и настоящей.

Однажды, после очередного телефонного разговора с семьей, Юми расплакалась. Всякий раз, когда она звонила домой, ее детское неокрепшее сердце разрывалось от противоре-

чивых чувств. С одной стороны, она безумно скучала по матери, но с другой, ее тело тут же покрывалось мурашками от одной лишь мысли, что и отец – тоже неотъемлемая часть жизни и Анастасии... и – её самой...

Арон нашел Юми на заднем дворе школы, под сенью старого раскидистого клёна. Она сидела, обхватив руками колени, и тихо всхлипывала. Он впервые видел её такой – обычно бойкая и дерзкая, всегда готовая к язвительным перепалкам, сейчас она казалась невероятно хрупкой и потерянной.

Арон неслышно подошел и присел рядом, не говоря ни слова, чувствуя, что сейчас ей нужна лишь молчаливая поддержка. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Юми подняла на него заплаканные глаза.

– Что случилось? – тихо спросил Арон.

Юми отрицательно мотнула головой, и новая волна слез брызнула из ее глаз.

– Мама... я так скучаю по маме... – сквозь всхлипы проговорила она. – Но я боюсь, что однажды мне придется вернуться... в его дом... А я не могу... Я не хочу его видеть.

– Он? – непонимающе переспросил Арон.

И тогда Юми, впервые в жизни, решила поделиться с посторонним человеком своей сокровенной историей – историей семьи. Она рассказала о том роковом дне, когда стала невольной свидетельницей жестокой расправы, которую ее отец учинил над предателем. О том, как ее мир рухнул в одночасье, а осколки правды больно ранили ее юную душу. И о том, что отныне ее жизнь навсегда будет отравлена зловещей тенью клана Фуджин.

Арон молча выслушал ее рассказ, ни один мускул на его лице не дрогнул, будто она делилась с ним самой обыденной историей. Когда она закончила, он достал из кармана чуть помятую шоколадку, купленную в автомате, и протянул Юми.

– Держи.

Юми улыбнулась и взяла шоколадку. Они молча сидели под старым клёном, разделяя на двоих плитку дешевого шоколада. И в этот момент она вдруг почувствовала, что их странная дружба – это уже нечто гораздо большее.

– Ну, а тебя-то почему здесь заперли? – спросила она, искоса поглядывая на его сосредоточенный профиль.

Он усмехнулся и, переведя взгляд на Юми, ответил:

– Под предлогом лучшего образования...

– А на самом деле? – не сдавалась Юми. Ей отчаянно хотелось, чтобы и он поделился с ней чем-то личным, чтобы не чувствовать себя такой уязвимой.

– На самом деле... Мама... – она буквально чувствовала, как каждое слово дается ему с огромным трудом. – Мама боится, что я свяжусь с плохой компанией... В общем, ничего особенного...

Юми нахмурилась. Это звучало слишком просто, слишком банально. А ведь она видела в глазах Арона ту тень, которую он изо всех сил пытался скрыть.

И это все? Просто боится плохой компании? – хотела она возразить, но передумала, заметив, как он нервно комкает в руках обертку от шоколадки.

С того дня они старались больше не затрагивать темы, которые обжигали их болью. Так, не сговариваясь, они решили сосредоточиться на настоящем, на тех маленьких радостях, которыми щедро одаривала их жизнь.

Однажды, во время поездки в Альпы, Арон и Юми залюбовались ночным небом.

Ночное небо в Альпах – это космический шатер, раскинувшийся над острыми горными пиками и темными долинами. Тонкий и кристально чистый воздух позволял увидеть звезды, сияющие с такой неимоверной яркостью, будто их только что отполировали. Миллионы точек света, от самых ярких до едва различимых, вливались в Млечный путь, и он был таким близ-

ким, что, казалось, можно было протянуть руку и коснуться его мерцающей космической пыли. Что и попыталась сделать Юми, вытянув руку и завороченно любуясь звездами.

– Красиво... – прошептала она, не отрывая взгляда от небосклона.

– Очень, – едва слышно выдохнул Арон, не сводя взгляда с Юми.

В этот вечер Арон впервые почувствовал непривычное волнение, трепет в сердце, вызванный его близкой подругой. Именно сегодня Юми вдруг показалась ему невероятно милой и какой-то неземной.

Она продолжала стоять, вытянув руку к звездам, словно пытаясь поймать хотя бы горсть этого небесного волшебства. Легкий ветер слегка трепал ее волосы, и в полумраке ночи Арону казалось, что они светятся. Он не мог оторвать от нее глаз.

– Хотел бы я уметь рисовать, – тихо произнес Арон, скорее себе, чем Юми.

Юми опустила руку и повернулась к нему, в ее глазах отражался призрачный свет звезд.

– Зачем рисовать? – спросила она, улыбаясь. – Просто запомни этот момент.

Их взгляды встретились и задержались на мгновение, словно всё вокруг замерло, затихло в напряженном ожидании...

Наконец Арон отвел глаза, чувствуя, как предательский румянец заливает его щеки (хотя в этой темноте его было невозможно увидеть). Он откашлялся и торопливо попытался сменить тему разговора.

– Загадаем желание на падающую звезду?

– Хмм, каждый своё?

– Давай одно на двоих! – вдруг живо предложил Арон, и его лицо украсила такая озорная улыбка, что Юми невольно подумала:

Ярче звёзд.

Взявшись за руки и запрокинув головы, они стали вместе высматривать падающие звезды, чтобы загадать одно общее желание на двоих...

5 Глава

Япония. Токио.

Двадцать четыре года спустя.

Бах! Бах!

По пустому спортзалу эхом разносились глухие удары, сыпавшиеся на боксёрскую грушу. Юми работала в полную силу, пытаясь прервать поток неожиданно нахлынувших воспоминаний... о них с Ароном... и не только...

Той ночью в Альпах Юми видела Арона в последний раз, перед длительной разлукой. Утром она узнала, что его неожиданно забрала семья, и, скорее всего, навсегда... И она осталась одна, без друга, в холодных стенах лондонской школы.

И как и прежде – весна сменялось летом, затем наступала осень, и наконец, зима, чтобы затем начать всё с начала... С этого момента время покатилось, точно сломанное колесо – дергаясь и подпрыгивая, оставляя за собой рваный след из тринадцати долгих лет.

Их встреча была неожиданной...

Бах! Бах!

Удары становились всё жёстче, напористее.

В тот день Юми вошла в VIP-зал в аэропорту Франкфурта-на-Майне и осмотрелась по сторонам. К её радости, здесь было спокойно, свободных мест было достаточно, несмотря на то, что десятки рейсов были отменены или задержаны из-за непогоды.

За ресепшен её поприветствовал учтивый сотрудник, Юми обменялась с ним парой фраз и прошла вглубь зала – просторное пространство, поделённое на зоны. Её взгляд сразу же упал на зону с жёлтыми креслами с высокой спинкой. Почему-то они напомнили ей лондонскую школу-интернат, из-за чего её брови нахмурились, и она даже подумала выбрать другую зону, но этот яркий жёлтый цвет – манил её.

Проходя к влекущему её пространству, Юми чувствовала на себе заинтересованные взгляды, которые её ничуть не смущали – Юми знала, что была красивой девушкой с запоминающейся внешностью и отшлифованным стройным телом.

И с самооценкой у неё было всё в полном порядке – словом, Юми принимала заинтересованные взгляды как должное, не чувствуя от них ни дискомфорта, ни радости. К тому же, помимо яркой оболочки, она много чего интересного прятала внутри, о чём, правда, знали лишь избранные, коих было – дай Бог, пару-тройку человек. А вот для отца, да и остального социума, она была всего лишь красоткой — не глупой, но и не умной — и, главное, «кроткой», с идеальными манерами. В общем, такой, какой отец и хотел её видеть...

Дойдя до выбранной ей зоны отдыха, Юми заняла самый дальний жёлтый трон у огромного панорамного окна. Она глянула в него... Франкфурт давил свинцовыми тучами и угрожал яростными порывами ветра. Самолёты, словно беспомощные птицы, с трудом ползли по взлётной полосе, ища себе убежище.

Юми с удовольствием откинулась на высокую спинку кресла, вытянула свои длинные, стройные ноги и прикрыла глаза, но тут зазвонил её телефон. Она нехотя достала его из рюкзака и, криво усмехнувшись, ответила на звонок:

*— Мощи-мощи...**

Она прикрыла глаза и молча слушала собеседника в динамике сотового, лишь изредка произнося тихое:

— Ун... Хай... Ииз...* — и спустя пять минут попрощалась, сказав: — Вакари-мацта.**

Когда крышка её раскладного сотового захлопнулась, она пробурчала себе под нос на русском:

— Да чтоб тебя твоя собственная обувь преследовала!

И вдруг откуда-то сбоку она услышала смехок. Юми обернулась к источнику веселья, но высокая спинка кресла с выступающими элементами по бокам полностью перекрыла ей обзор.

Бах! Бах! Бах!

Сильные удары продолжали разрывать тишину спортивного зала.

«Показалось», — подумала она и приняла исходное расслабленное положение, но всё же, не удержавшись, пробурчала вслух:

— Не описайся... — И снова раздался смех, только более громкий, заразительный. Юми встрепенулась и открыла глаза, снова попытавшись разглядеть весельчака. — Весело?

— Скорее, забавно, — с усмешкой ответил невидимый собеседник.

Юми нахмурилась, и ей на мгновение даже стало любопытно, что за беззастенчивый тип подслушивает чужие разговоры — впрочем, лень и усталость были сильнее... Перелёт из Рио-де-Жанейро до Франкфурта и так был весьма утомительным, а ведь ей ещё предстоял полёт до Токио.

Схватив рюкзак, она достала iPod и уже собиралась воткнуть наушники в уши, как ей поступило предложение от невидимки.

— Веришь в экстрасенсорные способности?

— Ооо боги! Ты серьезно?! — фыркнув, воскликнула Юми.

— А давай проверим?

«За идиотку меня держит...» — подумала она, а вслух все же сказала:

— Валяй.

— Ты из Японии.

Юми гоготнула и собиралась уже его резко послать, но вдруг невидимый продолжил:

— Ты родилась в Японии, Токио... Твое имя означает «сияющая красота», верно?

Юми напряглась и почувствовала, как все тело покрылось противными мурашками, а волосы на затылке буквально встали дыбом. Она мгновенно оценила ситуацию, осмотревшись по сторонам.

«Так я в аэропорту, на виду сотен глаз и под камерами. Если его подослал недруг моего отца, то... навредить он не сможет...»

— Юми, — внезапно, услышала она свое имя.

Не выдержав, она вскочила на ноги и решительно обошла кресло, направляясь к источнику голоса со словами:

— Эй, ты!

Когда две пары глаз встретились — одни глубокого зеленого цвета, а вторые, цветом янтаря, — Юми запнулась, забыв все заготовленные слова. Перед ней сидел ОН. Теперь это был не мальчишка, с которым она коротала серые будни в лондонской школе,

а мужчина с высокомерным взглядом и лёгкой щетиной, подчёркивающей его волевой подбородок.

– Арон? – прошептала она, не веря своим глазам.

Бах! Бах! Бах!

Почти семь лет, прошло с той встречи в аэропорту Франкфурта... – подумала она и усмехнулась, но тут же ухмылка стала кривой, с оттенком горечи.

Тот день мог бы стать для неё одним из самых счастливых – встреча с другом, если бы не...

Когда непогода утихла, и аэропорт во Франкфурте снова заработал в штатном режиме, Юми и Арону пришлось попрощаться. Юми смотрела вслед удаляющемуся другу с лёгким сердцем – ведь теперь они пообещали друг другу больше никогда не пропадать бесследно.

– К тому же, я твой должник, – с улыбкой, обнимая Юми на прощание сказал Арон.

– Должник? – переспросила Юми, хотя прекрасно понимала, о чём он.

Арон отстранился, положил руки ей на плечи и, смотря в глаза, сказал:

– Река Ли... сплав на байдарках... Ммм?

– Практически кровью поклялся, – подмигнув, ответила Юми и ткнула пальчиком в его грудь.

Внезапная встреча с Ароном была для неё лучшим подарком от Вселенной, так что перелёт до Токио прошёл для неё незаметно.

И в приподнятом настроении она перешагнула порог отчего дома, где её ждал скромный ужин с родителями в честь её двадцатидвухлетия.

– Милая, как тебе Бразилия? Понравилась? – щебетала Анастасия, сидя напротив неё за празднично накрытым столом.

– Это была моя самая лучшая поездка! – искренне улыбаясь, воскликнула Юми, взмахнув палочками для еды.

– Тц, – цокнул Дайго, сидящий во главе стола, и посмотрел на дочь недовольным взглядом, от которого с лица Юми моментально сползла улыбка, а лопатки свело от ледяной волны мурашек. Но Юми быстро справилась с собой и тихим голосом произнесла:

– Прости, отец...

– Малышка, ты уже такая взрослая, – улыбаясь, сказала Анастасия, не обращая внимания на резко сменившуюся атмосферу. – Какие у тебя планы?

– Планы? – удивлённо вскинув бровь, спросила Юми.

– Да, о чём мечтаешь? Чего хочешь?

Прежде чем ответить, Юми искоса посмотрела на отца, который, казалось, не проявлял никакого интереса к их беседе и молча, неторопливо ел своё любимое сашими из свежего магуро.*

– Я бы... – осторожно подбирая слова, – хотела жить, учиться и работать за границей, – сказала Юми, чувствуя, как её сердце сорвалось на какой-то просто запредельно бешеный ритм.

Отложив палочки, она опустила руки на колени под стол и, незаметно для родителей, положила пальцы правой – на пульс, и про себя стала его отсчитывать, мысленно приказывая ему замедлиться. Но внешне для родителей она казалась совершенно спокойной, с мягкой улыбкой на лице, смотря на Анастасию. На отца она боялась смотреть.

Анастасия ласково улыбнулась ей в ответ и кивнула:

– Почему бы и нет?! – и тут же обратилась к мужу: – Дорогой, думаю, наша девочка уже достаточно взрослая. Что скажешь?

Юми перевела взгляд на отца. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то холодное, мертвое. Он улыбнулся, но эта улыбка была обманчивой, и, кажется, это заметила только Юми.

– Всё обсуждаемо... Настя, ты бы не могла поторопить прислугу с тортом? Кажется, они задерживаются, – его голос был мягким, почти ласковым.

Дайго коснулся лежащей на столе руки Анастасии, провёл пальцем по её запястью, на котором в оправе изящного браслета красиво переливались рубины. Анастасия с нежностью улыбнулась ему и, поднявшись из-за стола, вышла из гостиной. Как только дверь за ней закрылась, лицо Дайго резко изменилось, глаза потемнели.

– Вот, – он положил рядом с тарелкой Юми ключи. – Это квартира, которую я купил для тебя. Теперь ты можешь съехать из нашего дома.

Юми замерла, её глаза расширились от шока.

– Папа, я... Я не это имела в виду. Я хочу жить за границей, а не просто переехать в другую квартиру.

Дайго резко поднял ладонь, прерывая её.

– Ты будешь руководить художественной галереей, которую я открыл. График уже составлен, и ты начнёшь работать с понедельника. Ты же хотела заниматься чем-то подобным? Пришло время помогать отцу.

«Боже, он хочет, чтобы я помогала ему отмывать деньги?!» – из груди Юми вырвался короткий смешок, она чувствовала, что сейчас может сорваться, поэтому, схватив бокал с водой, одним глотком осушила его, пытаясь затушить пожар в душе.

– Папа, ты вообще слушаешь меня? – спросила она на удивление ровным голосом, но так и не рискнув посмотреть отцу в глаза.

Поставив бокал на место, она уставилась на него невидящим взглядом, продолжая сжимать в руке хрустальную ножку бокала.

– Твоя жизнь... – не торопясь произнёс он тихим, вкрадчивым голосом. – Твоё будущее... – продолжил Дайго и достал из кармана свои любимые чётки. – Твоё благополучие... – и Юми услышала первый щелчок бусин; в тот момент щелчок показался ей по-особенному громким. Она едва заметно вздрогнула и, наконец, посмотрела на отца. – Принадлежат мне и зависят только от меня... – закончил Дайго, и вслед за его словами послышались ритмичные, обманчиво успокаивающие щелчки бусин.

Вдруг свет в комнате погас, и в распахнутых дверях появилась Анастасия с тортом в руках, на котором горели свечи. Негромко напевая своим мелодичным голосом песенку поздравления, она подошла к столу. Юми подняла на подошедшую мать глаза, в отражении которых трепещущими огоньками плясала цифра 22...

Бах! Бах! Бах!

– Ненавижу! – вдруг воскликнула она в пустоту спортивного зала и, ударив последний раз, резко остановилась, тяжело дыша, – обняв грушу и повиснув на ней. Пот струился по её телу, стекал с висков по длинной изящной шее, теряясь в ложбинке между грудей под коротким спортивным топом.

– Что случилось? – неожиданно за её спиной раздался бодрый голос сенсея по крав-мага.

Юми оттолкнула грушу, так что цепи, на которых она висела, бодро забрякали и заскрипели.

– Давно ты здесь? – спросила она, поворачиваясь на голос и отступая от покачивающейся груши.

– Нет, только пришёл... – ответил сенсей, или просто Киба. – Что случилось? – повторил он, бросая свою спортивную сумку на лавку рядом с рингом.

Юми скользнула по нему взглядом и упала на мат, раскинув ноги и руки по сторонам. Её грудь тяжело вздымалась, дыхание было чуть хриплым. Она закрыла глаза и стала прислушиваться к своему пульсу, который успокаивался, но пока ещё медленно и неохотно.

– Вспомнила, что на днях у меня ДР... - вдруг сказала она.

— И сколько исполнится? — спросил Киба, перелезая через канаты на ринг.

– Тридцать три, – как-то нехотя призналась Юми и, наконец, открыла глаза, глядя в потолок.

– Возраст тайяку... Поздравлять не буду, – сказал Киба, подойдя к ней и, протягивая ей руку.

Но Юми, не обращая на его руку никакого внимания, приподнялась на локтях, с прищуром иронично посмотрела на тренера и с ухмылкой сказала:

– Только не говори, что ты веришь в бабушкины сказки...

– А почему бы и нет? – весело парировал Киба. – Официально ещё никто не опроверг, что 33 года для женщины не является «большой бедой».

Они, смотрели друг другу в глаза, пока Юми, скрывая усмешку за серьёзным лицом, не сказала:

– Ну, тогда не жди приглашения на вечеринку, – и приняла его протянутую руку, чтобы подняться.

– Переживу, – ответил он, помогая Юми подняться. Когда она поднялась и их глаза оказались почти на одном уровне, он спросил:

— Начнём?

Магуро- голубой тунец*

6 Глава

Спортивный зал казалось, был насквозь пропитан запахом пота, резины матов и лёгкими нотками металла от спортивного инвентаря. Свет люминесцентных ламп ровно освещал ринг, где стояли Юми и Киба – сегодня они решили обойтись без защиты, только шлемы с забралом. Они стояли друг напротив друга, готовые к спаррингу. Юми жаждала крови. Она была напряжена, казалось, что вокруг неё ещё чуть-чуть — и всё начнёт искриться и щелкать.

Кому-то сегодня не поздоровится, - с ухмылкой подумал Киба.

Кибе-сенсею было слегка за пятьдесят. Среднего роста, обманчиво худощавый, жилистый, он запоминался заострёнными чертами лица и лукавым взглядом. За ним прочно закрепилась репутация не самого серьёзного мужчины – любителя молоденьких женщин из хостессклубов* и не жалеющего на них денег. Могло показаться, что он – баловень судьбы, не ведающий ни проблем, ни забот... если бы не рваный шрам, пересекавший правую часть его лица...

– Готова? – спросил он и, подняв руки в боевую стойку, начал слегка пританцовывать на носках. Юми, в отличие от него, стояла неподвижно, но её мышцы были напряжены, словно натянутая тетива лука. Её взгляд, сосредоточенный и холодный, буквально сканировал сенсея, выискивая малейшие признаки его слабости или предсказуемости движений.

Если в сердце Юми до двадцати двух лет тлел уголек надежды, что она сможет сама определять свой дальнейший путь, то в день её рождения эта робкая надежда столкнулась с жестокой реальностью.

Отец, точно безжалостный скульптор, прямо по живому, отсёк всё лишнее, грубо обозначив границы дозволенного и чётко указав на её место в созданном им мире.

С этого момента оковы сомкнулись. Отныне – каждая её заграничная поездка превратилась в предмет жесточайшего торга, каждое её движение отслеживалось, а каждый вдох – контролировался...

Юми оказалась под невидимым, но, тем не менее, каждую секунду её жизни постоянно осязаемым, давящим тяжёлым колпаком, созданным неумолимой волей Дайго.

Но Юми не собиралась становиться карпом на разделочной доске традиционных японских ценностей, поэтому у неё созрел следующий план:

Во-первых, нужно было усыпить бдительность Дайго, и Юми стала для него идеальной покладистой дочерью.

Во-вторых, нужно было обзавестись верными союзниками, которые всегда прикроют спину... И со временем они появились – её личная команда, но о ней чуть позже...

Киба сделал первый шаг, резко сократив дистанцию. Он выбросил вперёд левую руку, целясь в подбородок Юми, но она мгновенно среагировала, отбив удар предплечьем и одновременно контратакуя коротким ударом правой – в солнечное сплетение. Сенсей с легкостью ушёл от удара, уклонившись в сторону, и обрушил на свою ученицу град ударов.

Юми пришлось отступать, парируя удары руками и локтями. Её движения были точными и экономичными, каждое движение строго следовало цели — защита, контратака, сохранение баланса... Она не давала Кибе возможности развить атаку, постоянно меняя угол и дистанцию.

Неожиданно Киба поднырнул под её защиту и попытался провести захват. Юми, ожидая этого, резко отбила его руку и быстро попыталась вывернуть ему запястье, вынуждая тем самым сенсея отступить, а затем – мгновенно воспользовалась моментом, нанеся быстрый удар коленом ему в бедро.

Киба, не ожидавший такой агрессивной контратаки, застонал от боли и отступил на несколько шагов. Но Юми жаждала победы, поэтому не дала ему передышки – она бросилась вперёд, без остановки нанося удары руками и ногами. Сенсей защищался, с трудом сдерживая этот натиск.

Вдруг Юми быстро нанесла обманный удар ногой в живот, а затем, резко отскочив в сторону – ударила сенсея пяткой в лицо! Прямо по забралу на шлеме... Киба покачнулся, потеряв равновесие – Юми, не упуская возможности, захватила его голову и, используя вес своего тела, бросила его на мат.

Сенсей упал, ударившись спиной о пол. Юми мгновенно оказалась сверху, удерживая его в жёстком контроле, лишая возможности двигаться.

– Хватит... Твоя победа... - выдавил Киба

Юми хмыкнула:

– Или ты слишком много развлекаешься, или ученик начинает превосходить учителя...

– Юми ослабила хватку и откатилась от него.

Но третий пункт – «найти сенсея» – оказался самым сложным и, поначалу, казалось, совершенно невыполнимым... Конечно же, секций было полно, на любой вкус и цвет, но ни одна из них не подходила: её интересовала исключительно «Крав-мага», а, как оказалось, ему обучали только профессиональных бойцов... И вот наступил момент, когда Юми уже хотела опустить руки, но, кажется, сама судьба была на её стороне...

Семья Юми напоминала ей старый, пахнувший пылью веков дом, половицы которого, давно прогнили...

А эти треклятые семейные традиции... Они были для Юми, как засохшие в древней вазе цветы – вроде бы и красиво, но с сильным запахом гнили... а в её случае – отвратительно пахло лицемерием... И это касалось абсолютно всего – например, праздников...

Самых главных, которые всегда отмечали в их семье, было три:

Ханами – день, когда под запах барбекю, они, в узком семейном кругу, любовались красотой цветущей сакуры. Прекрасные цветы... Красота... Но Юми испытывала лишь жуткую тоску...

Потом... Обон – меланхолический праздник смерти и жизни, когда завеса между мирами истончалась, и тени прошлого обретали зыбкие очертания. Они поминали усопших, погружаясь в воспоминания, словно в мутную воду старого пруда. Это было время скорби и тихой радости, осознания бренности всего сущего и неразрывной связи с теми, кто уже перешел незримые границы потустороннего мира.

И наконец, Цукими – «созерцание луны». Наверное, раньше их предки, под серебристым светом, предавались медитативному молчанию, вглядываясь в небесное око, и в этой тихой созерцательности находили нечто глубоко личное, а сейчас... Для Дайго это был лишь повод собрать своих приспешников с их семьями и, под полной луной еще сильнее скрепить узы своего клана «Фуджсин»...

Да... Со стороны может показаться красиво, но Юми, как никто, знала, что скрывается за всей этой красотой... И всякий раз, глядя на умиротворённое лицо отца, тихо скрежетала зубами, осознавая его двуличность...

Однажды, в день празднования Цукими отец, уже по устоявшейся традиции собрал важных, приближённых к нему, людей вместе с их семьями в своей резиденции в тихом районе Дзе-эн-Тёфу, чем-то напоминающем Беверли-Хиллз, но – с азиатским флёром.

Празднование проходило во внутреннем саду... Там приглушенный свет позволял гостям любоваться полной луной, проглядывающей сквозь искусно подстриженные сосны, и – ароматы хризантем и саке смешавшись в воздухе, приятно дурманили.

Абсолютно все – как мужчины, так и женщины – были одеты в традиционные праздничные кимоно. На Юми было нежно-розовое, с вышитыми на подоле мерцающими нитями лепестков сакуры... Но хватит поэзии...

На первый взгляд можно было бы подумать, что на званом ужине собралась элита общества... Если бы время от времени из-под широких рукавов монцуки у мужчин не выглядывали цветные татуировки якудзу.*

– Юми-тян, как же ты выросла и похорошела, – заметил Наоки, вальяжно расположившийся за низким столиком, буквально ломившемся от всевозможных закусок.

Наоки был правой рукой Дайго и, как он сам себя называл, «любимым дядюшкой Юми». Правда, почему он так думал, для самой Юми всегда оставалось загадкой. Но она решила не разубеждать его в этом заблуждении.

– Наоки-сама, – ответила она, остановившись возле него и вежливо поклонившись.

– Ой, ну что за церемонии, – сказал он, взмахнув рукой и похлопав по одной из свободных подушек рядом с собой, щедро разложенных возле каждого столика. – Присядь. Угости своего дядюшку саке.

Юми едва сдержалась, чтобы не поморщиться, когда из-под его рукава мелькнула часть ирэдзуми*, но вовремя спохватилась и собиралась было уже сослаться якобы на просьбу матери помочь ей, чтобы отсюда тихо исчезнуть. Но в этот момент к ним подошёл Дайго и, приобняв её за плечи, подтолкнул к столику.

– Порадуй стариков своей компанией, – сказал он и первым сел на мягкие подушки во главе стола.

И Юми ничего не оставалось, как послушаться отца. Одно радовало: ей не придётся сидеть рядом с «любимым дядюшкой».

Сев по левую руку отца, она взяла токкури* и разлила по двум очоко* рисовой водки для отца и Наоки.

– Из рук невинного цветка саке всегда слаще, – причмокивая, сказал и без того уже захмелевший Наоки, глядя на Юми осоловевшим взглядом.

– Наоки-сама, вы всегда так добры ко мне, – с мягкой улыбкой сказала Юми, подливая ему ещё саке.

Вскоре Наоки и Дайго потеряли всякий к ней интерес и, переищёптываясь, явно стали обсуждать свои дела.

Юми украдкой посмотрела на изящные часики на своем запястье, отчитала пять минут на циферблате, готовясь к побегу от скучных разговоров старших, но в этот момент её внимание привлекла последняя фраза Наоки:

– Почему ты его так легко отпустил? Он мог бы стать хорошим бойцом! Ну, или хотя бы мог обучать наших ребят. Сколько он прошел боевых точек? С таким опытом, как у него...

– Да, знаю, знаю... – отмахнулся от него отец.

– Так давай надавим, почему ты с ним церемонишься? – не сдавался Наоки.

– Нет, – жестко ответил Дайго. – Кибу не трогать, понятно?! – спросил он, полоснув Наоки таким строгим взглядом, что тот замялся и даже несколько протрезвел.

Так что – получив жёсткий отпор, Наоки поспешил сменить тему, а Юми – откланяться.

Пока Юми семенила к дому в неудобном кимоно и совершенно не предназначенных для быстрой ходьбы жутких гэта*, а вернее, торопилась пробраться в кабинет отца, в её голове крутилось одно имя:

«Киба, Киба, Киба...»

– Отличный спарринг, сенсей, – широко улыбаясь, сказала довольная Юми, глядя в потолок.

— Ты молодец, — произнёс Киба.

Когда он посмотрел на её профиль, в его голове вихрем пронеслось воспоминание – Юми, ещё юная, двадцатидвухлетняя девчонка, пришла к нему в сопровождении охраны и без обиняков заявила ему по-английски:

— Научите меня убивать.

Киба в этот момент пил урончу, которая от услышанного едва не пошла у него из носа. Он был растерян – как от просьбы, так и от неформального обращения к старшему... С этой девчонкой было явно что-то не так.*

— Прости, что? — спросил он на японском, откашливаясь и вытирая лицо краем своей футболки.

— Ты, — Юми недовольно цыкнула и бросила колючий взгляд на охранников, стоявших рядом с ней. Их очень заинтересовала и насторожила реакция сенсея. Но к их несчастью, а – к радости Юми, они не владели иностранными языками, чем она и воспользовалась.

— Сенсей, вы забыли английский?

Киба понял намёк девчонки и спросил уже по-английски:

— Деточка, возможно, у меня проблемы с ушами. Так что повтори, пожалуйста, что ты сказала.

— Научите меня убивать! — В свете тусклой лампочки тренерской комнаты, казалось, её глаза горели ярче звезд, демонстрируя какую-то поистине фантастическую решимость, которая буквально вырывалась из неё... Но даже она не могла скрыть от него – её боль и отчаяние...

Крав-мага* - израильская система самообороны, одна из самых эффективных и жёстких в мире. Учит быстро и эффективно отражать любую агрессию в реальных ситуациях.

Моңцуки *— так в традиционной японской одежде называют формальное кимоно с семейным гербом или с эмблемой клана.

Ирэдзуми* - искусство японской татуировки, характеризующееся особым стилем нанесения. Татуировки в этом стиле создаются как цельное полотно, а не набор отдельных рисунков, и охватывают тело — спину, грудь, руки.

Токкуруи* - Кувшин для саке называется.

Очоко* - маленькая чашечка цилиндрической формы, вмещает 30–90 мл саке. Подходит для подачи саке комнатной температуры или слегка охлаждённого.

Гэта* - японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног.

Уронча* - чай из сильноферментированных японских улюнов.

7 Глава

Япония. Токио

— А что, разве где-то на моей вывеске написано «Школа убийц»?

— Вы же – лучший наемник из Японии. Работали в самых горячих точках от Сомали до Афганистана! У вас бесценный опыт выживания...

— Ха-ха... однако... Пугающая осведомленность для девчонки... Кто ты такая?

Юми поморщилась от его слов и кивнула на стул со значением «Можно?», Киба кивнул в ответ. Прежде чем сесть, Юми взглянула на двух громил, всё это время стоящих за её спиной и тицетно пытающихся понять их разговор на неведомым им проклятом английском.

— Думаю, — обратилась она к ним на японском, — вы можете выйти на улицу. Здесь со мной точно ничего не случится. — И, повернувшись к Кибе, добавила: — Верно?

Тот машинально кивнул. Его обуревали совершенно противоречивые чувства. С одной стороны, Киба хотел дать ей затрепину, а с другой — ему стало интересно – а, что же будет дальше.

Охранники переглянулись и вышли из маленькой комнатушки, служившей тренерской, прикрыв за собой дверь.

— Идиоты, — фыркнула девушка по-русски.

— Так кто ты такая?

— Клан Фуджин.

При этих словах взгляд мужчины изменился: в его глазах промелькнуло нечто странное, однако вскоре выражение лица вновь стало невозмутимым.

— Девочка, ты вообще... о чём?

— Мой отец – Дайго.

Киба неожиданно расхохотался настолько сильно, что даже закашлялся:

— Вот уж никак не ожидал от него такого... — произнес он сквозь приступ смеха и кашля, стирая выступившие слёзы.

Юми не удивила его реакция — примерно такую она и предполагала, когда представляла эту встречу. И уже само по себе было победой, что Киба не вышвырнул её, а проявил интерес.

Отсмеявшись, мужчина внимательно посмотрел на девушку и холодно произнёс:

— Скажи своему отцу, что я потерял уважение к нему, если он втянул собственную дочь в дела своего клана. А теперь проваливай!

— Отец не в курсе происходящего и не должен узнать, — решительно сказала Юми, даже не пошевелившись.

— Ну тогда ты совсем дуреха, если считаешь, что те двое за дверью не сдадут тебя с потрохами.

— Они будут молчать, — уверенно заявила она, снимая рюкзак с плеч и ставя его рядом со стулом.

Мужчина лишь хмыкнул на её заявление и сделал глоток урончи из бутылочки.

— Надеюсь, ты им хорошо заплатила? Наверное, твоя копилка теперь пуста...

— Деньги — далеко не лучший способ заставить кого-то замолчать. Существуют куда более эффективные средства и методы.

Снова чуть не поперхнувшись чаем, Киба поставил бутылочку обратно на совершенно заваленный всякой всячиной небольшой столик – там были боксёрскими перчатки, эластичные бинты разных размеров, кистевые эспандеры и небольшие гантели, а также куча каких-то бумажек.

— Я знаю, что вы неплохо владеете Крав-Мага, прошу, обучите меня.

— Почему я и почему именно Крав-Мага? — без намёка на усмешку, спросил он.

— Мой отец вас уважает, а это многое значит. Вам известно лучше моего, что если клан Фуджисин обратил внимание на какого-нибудь человека, отказать просто так невозможно. Но вам это удалось сделать, причем без всяких последствий.

От её холодной рассудительности, хотелось поёжиться.

— Не боишься, что я сдам тебя Дайго?

— Такой риск есть, но что-то подсказывает мне, что нет... Вы не сдадите меня, по крайней мере сейчас...

— Откуда такая уверенность?

— Мой отец и так ваш должник. Поэтому вы спокойно спите, не боясь его и его людей. Как козырь я вам не интересна, и в худшем случае, вы просто выставите меня и забудете о моём визите. Ведь так?

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два...

Киба молча изучал её. Не смотря на милое, а – скорее всего даже красивое лицо, эти огромные, миндалевидные глаза, приковывали к себе. И если в первые секунды, ему показалось что в них мелькнуло отчаяние, то с каждой секундой, проведённой с ней, Киба понимал, что, скорее всего, был одурачен...

— Ты собираешься стать наёмником? — наконец уточнил он, прочищая горло, а мысленно всё пытался разгадать эту девчонку, свалившаяся ему на голову.

— Нет, конечно, – спокойно ответила Юми

— Так почему Крав-Мага, ты так и не ответила?

— Потому что отлично подходит для ближнего боя, а главное для выживания. — Сказала она, и резко развернулась на шум за дверью.

Пока она кралась к двери на цыпочках, он бросил ей вслед:

— А кого убивать-то собралась?

Юми остановилась и обернулась к нему. Их глаза встретились:

— Если понадобится, то и собственного отца.

И Киба понял, что за ложным отчаянием, на самом деле, скрывается гремучая смесь из ненависти и решительности...

Юми первая поднялась с мата и подала руку сенсею. Он ухватился за неё и через пару секунд стоял напротив неё.

— Так, что же с твоим настроением? – спросил Киба, расстёгивая шлем. — Точно не из-за дня рождения... – рассуждая вслух, он снял шлем и провёл пятернёй по вспотевшим, коротко подстриженным волосам. — Опять отец с очередным женихом?

— Какой ты проницательный, – с ухмылкой заметила Юми, тоже снимая защитный шлем. — И представляешь, в мой чёртов день рождения.

Киба хохотнул и сказал:

— Воспринимай это как заботу. Он переживает, что в свой праздник дочь будет грустить одна-одинешенька!

— Ха-ха, – сухим голосом медленно произнесла она и сорвала шлем со своей головы. — Чтобы я делала без тебя и твоего мудрого подхода! — Продемонстрировав Кибе оскал вместо улыбки.

– Ладно, ладно, – Киба поднял руки в примирительном жесте. – Не кипятись. Знаешь, что я всегда на твоей стороне. И что отец твой... ну, ты знаешь.

– Тот ещё мудака? – сказала она, перелезая через канаты на ринге и направляясь в сторону раздевалки.

– Юми, ты знаешь, что так говорить плохо? – спросил он, догоняя её.

– Мне надо переодеться, поэтому, если ты не против, пошёл на хер.

Киба гоготнул и, перед тем как закрыть за собой дверь в раздевалке, сказал:

– Такая милая и воспитанная... Кстати, там для тебя подарочек в шкафчике... – Многозначительно подёргав бровью, скрылся за дверью.

Юми, устало вздохнув, направилась к стройному ряду шкафчиков, на ходу, почти не глядя, бросив шлем и точно попав им прямо в стоящую на длинной грубой скамейке её спортивную сумку.

Приоткрыв дверцу шкафчика, среди своих вещей и чистых полотенец, её взгляд сразу зацепился за что-то инородное... Ну, да, вот она – папка. Черная, словно рожденная в утробе ночи, грубо перевязанная красной лентой, точно удавка, но – с симпатичным бантиком на концах. На её лицевой стороне – маленькая белая карточка, вся исписанная изящными иероглифами:

– С днем рождения... - прошептала Юми, усмехнувшись про себя.

Кто-то явно переборщил с символизмом... Зачёт! - весело подумала она, развязывая тугую ленту.

Папка раскрылась. Фотографии... Они были отвратительны. Мужчина средних лет, с холёным лицом и взглядом, от которого хотелось спрятаться, был запечатлен в сценах, точно сошедших со страниц хентай-манги для извращенцев. Сцены грубые, до отвращения откровенные, с женщинами, в глазах которых читалось лишь отчаяние. Проститутки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.